
ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

Василий Струве и сложение категориального аппарата советской исторической науки

М. Д. Бухарин

Для цитирования: Бухарин М. Д. Василий Струве и сложение категориального аппарата советской исторической науки // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64. Вып. 4. С. 1440–1458. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2019.418>

В статье публикуется неизвестная ранее работа В. В. Струве «Возражения и дополнения к докладу С. Я. Лурье “Социальная революция» в Египте». В. В. Струве — один из основоположников схемы исторического развития, в целом принятой в советской исторической науке. Краеугольным камнем работы Струве является обоснование содержания ряда папирусных источников, а именно Лейденского папируса № 344 и Эрмитажного папируса № 1116 В recto как отражения социальной революции в Египте. Данное мнение противопоставлено точке зрения С. Я. Лурье, который полагал, что папирусы отражают описание народных празднеств. С. Я. Лурье в 1923 г. сделал доклад, предположительно в Палестинском обществе, «Социальная революция в Египте», в котором оспорил точку зрения ряда специалистов в области истории Древнего Египта. В. В. Струве полагал, что мнение Лурье основано на неверном прочтении папирусных документов. Публикуемая ниже работа — наиболее раннее из всех свидетельств существования концепции социальной революции на Древнем Востоке. Доклад С. Я. Лурье, которому возражал Струве, пока не найден, однако указания на него и на более широкий контекст, в котором готовилась работа Струве, позволяют считать, что данное представление было широко распространено в российской исторической науке уже во второй половине 1910-х гг. Концепция «социальной революции», обоснованию

Михаил Дмитриевич Бухарин — д-р ист. наук, академик РАН, гл. науч. сотр., Институт всеобщей истории РАН, Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинский пр., 32А; vdi@igh.ras.ru

Mikhail D. Bukharin — Doctor in History, Member of the Russian Academy of Sciences, Chief research-fellow of the Institute of World History, 32A, Leninski pr., Moscow, 119991, Russian Federation; vdi@igh.ras.ru

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект «Всеобщая история в системе советской науки, культуры и образования в 1917–1947 гг.», грант № 18-18-00367).

The article was prepared with support of Russian Scientific Foundation (project “World History in Soviet science, culture and education in 1917–1947”, grant No. 18-18-00367).

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2019

которой В. В. Струве посвятил не только эту, но и другие работы и устные выступления, явилась одним из оснований, на котором было сформулировано традиционное для советской марксистской исторической науки представление о переходе от одной общественно-политической формации к другой в результате революции и о типологическом единстве данных процессов для всех обществ древности. Статья является важным дополнением к научной биографии В. В. Струве, проливает свет на историю формирования категориального аппарата советской исторической науки.

Ключевые слова: история, исторической науки, социальная революция, В. В. Струве, С. Я. Лурье, Древний Египет, папирусы, общественно-политическая формация.

Vasily Struve and Formation of Categories of Soviet Historical Science

M. D. Bukharin

For citation: Bukharin M. D. Vasily Struve and Formation of Categories of Soviet Historical Science. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2019, vol. 64, iss. 4, pp. 1440–1458. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2019.418> (In Russian)

The article presents previously unknown work by V. V. Struve “Objections and additions to S. Ya. Lurie’s report “Social revolution” in Egypt”. A cornerstone of Struve’s work is justifying that some of papyri sources, namely the Leiden papyrus No. 344 and Hermitage papyrus No. 1116 B recto were reflections of social revolution in Egypt. This opinion was opposed to the point of view of S. Ya. Lurie who believed that these papyri reflected descriptions of popular festivals. In 1923, Lurie presented his paper “Social revolution in Egypt”, presumably in the Palestinian society, challenging a number of experts on these sources. V. V. Struve considered that Lurie had misinterpreted the papyri. The work published below is the earliest evidence of the existence of the concept of social revolution in the Ancient East. The report by S. Ya. Lurie still has not been discovered, however references to it and to a broader context within which Struve’s work was being prepared give grounds to suggest that this idea was widespread in the Russian historiography already in the second half of the 1910s. The concept of “social revolution” was one of the foundations on which the idea of transition from one social-political formation to another as a result of revolution was formulated, as well as the idea about typological unity of these processes for all societies of antiquity. The article contributes to the biography of V. V. Struve, and sheds more light on the history of formation of the categories of the Soviet historical science.

Keywords: history of historical science, social revolution, V. V. Struve, S. Ya. Lurie, Ancient Egypt, papyri, social-political formation.

В советской исторической науке на уровне глобальных обобщений господствовало учение о пяти общественно-исторических формациях, которые последовательно приходили на смену друг другу: первобытно-общинный строй, античное/древневосточное рабовладельческое общество, феодальное Средневековье, капитализм, переходящий в империализм, и сменяющий его социализм, долженствующий перейти в коммунизм. Переход от одной формации к другой происходил под влиянием противоречий между уровнем развития производительных сил и формой производственных отношений. Борьба этих противоречий выливалась в социальную революцию. Так в целом рисовала ход исторического развития в глобальном масштабе традиционная советская марксистская наука об обществе.

Эта схема сложилась далеко не сразу. Ее основой послужила работа Ф. Энгельса «Происхождение частной собственности, семьи и государства», ряд работ К. Маркса и В. И. Ленина, в частности «О государстве», опубликованная только в 1929 г. Положения Маркса и Энгельса, однако, не были просто скопированы. В частности, в работах «классиков» не говорится о примате рабовладения на Древнем Востоке. Обоснование типологического единства античного и древневосточного обществ — «заслуга» советского востоковедения. В 1920-е и в начале 1930-х гг. в нем превалировала идея о господстве феодальных отношений, рабовладение не выделялось как основа общественного строя на Востоке. Однако положение поменялось в середине 1930-х гг., когда, как не без некоторых оснований считается¹, усилиями В. В. Струве было сформулировано представление о древневосточном обществе как рабовладельческом в своей основе, а значит, типологически сходном с античным².

Василий Васильевич Струве (1889–1965) — крупнейший представитель советского марксистского востоковедения первой половины XX в. Его влияние — административное³ и концептуальное (обоснование развития древневосточных обществ в соответствии с учением о пяти формациях) — позволяет рассматривать Струве как одну из нескольких наиболее заметных фигур советской исторической науки. Концепция Струве появилась не на пустом месте, а определенно в атмосфере дискуссий с коллегами. Переломным моментом в дискуссиях в советской науке о древности по поводу механизмов эволюции общественных формаций явилось начало 1930-х гг. Так, Струве сделал доклад «Проблема зарождения, развития и разложения рабовладельческих обществ Древнего Востока» в ГАИМК 4 июня 1933 г., тогда как до сих пор не опубликованная статья В. И. Авдиева «Элементы древневосточного общества»⁴ датирована 6 мая 1933 г. В ней недвусмысленно критикуется теория господства феодализма на Древнем Востоке, а в качестве основы общества рассматриваются пережитки родового строя в сочетании с элементами рабовладения. Работа Авдиева еще ждет своего издателя и комментатора, однако некоторые наиболее характерные ее положения следует отметить. Так, историк полагает, что к анализу высказываний К. Маркса об азиатском способе производства следует подходить «с величайшей осторожностью»⁵. Это связано с тем, что «...во-первых... классики марксизма в своих трудах лишь в самых общих и мимолетных чертах касались вопроса об “азиатском” или “восточном” обществе, не всегда отделяя друг от друга древневосточное и поздневосточное общества, и во-вторых... современная историческая наука не обладает еще достаточным количеством точных и исторически обоснованных и изученных фактов для раскрытия социально-экономического строения древневосточного общества. Историки, изучающие Древний Египет, Переднюю Азию, древнейшие эпохи в истории Индии, Китая и Америки, могут в на-

¹ Крих С. Б. Теоретическое обоснование В. В. Струве концепции рабовладельческих обществ на Древнем Востоке // Социальные институты в истории: ретроспекция и реальность / отв. ред. Л. Р. Ротермель. Омск, 2012. С. 154.

² Струве В. В. Проблема зарождения, развития и разложения рабовладельческих обществ древнего Востока (доклад и заключительное слово) // Известия Государственной академии истории материальной культуры. 1934. С. 32–111, 157–181.

³ В. В. Струве — действительный член АН СССР с 1935 г., директор Института этнографии в 1927–1940 гг., Института востоковедения АН СССР в 1941–1950 гг.

⁴ Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 1782. Оп. 1. Д. 37.

⁵ Там же. Л. 1.

стоящий момент лишь в самых общих чертах наметить основные элементы и вехи развития хозяйства и общества. Поэтому вполне естественно, что эти построения еще не могут выйти из области “дискуссионных вопросов”, и потому лишь очень немногие положения могут считаться здесь окончательно разъясненными»⁶. Таким образом, по мнению В. И. Авдиева, востоковедение начала 1930-х гг. находилось еще в стадии поиска ответов на вопросы о структуре древних обществ.

Далее Авдиев очерчивает «положение дел», сложившееся ранее. Российская и зарубежная наука (здесь приводятся, в частности, имена Б. А. Тураева и Р. Ю. Виппера) исходила из того, что древнеегипетское общество эпохи Среднего царства может быть охарактеризовано как «феодальное государство», которое в целом не отличалось от западноевропейских государств эпохи Средних веков⁷. Основной аргумент для подобной характеристики, высказывавшийся до Авдиева — децентрализация государства и образование поместной аристократии⁸.

В итоге Авдиев приходит к выводу о несостоятельности положений о существовании древневосточного феодализма: «...подробный разбор теории “древневосточного феодализма” показал нам, что эта теория в своих исходных точках и корнях... не только не подтверждается конкретно-историческими фактами, но, как раз наоборот... противоречит тому социально-экономическому строю древневосточного общества, который теперь уже отчасти может быть восстановлен на основании сохранившихся памятников и документов. Далее, эта теория древневосточного феодализма противоречит теории Маркса о прогрессивности социально-экономических формаций, ибо она устанавливает наличие феодального строя до рабовладельческого общества и после него»⁹. В последнем итоговом абзаце В. И. Авдиев присоединяется к мнению Маркса и Энгельса (мнение «классиков» Авдиеву пришлось формулировать самому, на основе длинного ряда цитат) о том, что древневосточное общество представляло собой переходный этап от родового строя к рабовладельческому¹⁰.

Схожие дискуссионные процессы протекали в 1920-х — начале 1930-х гг. и в антиковедении. По иронии судьбы решающий вклад в формирование одной из краеугольных концепций советского марксистского антиковедения внес академик С. А. Жебелёв — ученый, далекий от марксизма и в течение практически всех 1920-х гг. находившийся под давлением Советского государства. Жизненные пути Струве и Жебелёва в 1920-х гг. пересекались, и это не сулило Жебелёву ничего хорошего. Так, Струве во многом «гарантировал» провал на выборах в Исследовательский институт¹¹. Кандидатуру профессора, декана, проректора и ректора Санкт-Петербургского — Петроградского университета, члена-корреспондента РАН забаллотировали «молодые египтологи» во главе со Струве. Об этом Жебелёв

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 2.

⁸ Там же. Л. 3.

⁹ Там же. Л. 13.

¹⁰ Там же. Л. 23.

¹¹ Имеется в виду Научно-исследовательский институт сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока Петроградского — Ленинградского государственного университета (1921–1930), образованный 25 мая 1921 г. при факультете общественных наук Университета. С марта 1928 по 1930 г. находился в ведении Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН). В 1930 г. преобразован в Институт речевой культуры.

писал академику Н. Я. Марру 29 декабря 1924 г.: «Вам следует знать, в какой “академической” сфере мы живем и с какими людьми общаемся. Дело касается моего избрания в Исследовательский институт, о котором я Вам кратко говорил. Сегодня был у меня мой ученик Лурье и сообщил мне подробности, разыгравшиеся на заседании, когда выборы происходили. Оказывается, секретарь секции Казанский¹², когда была выставлена моя кандидатура, выступил с заявлением об отводе ее по соображениям “нравственного порядка” (sic!). Когда Толстой и Лурье запротестовали, то председатель секции Струве лишил их слова, так как-де они говорят по личному вопросу. Голосование все-таки состоялось, и к участию в нем привлечены были Струве какие-то молодые [...] египтологи, очевидно научные сотрудники института. Струве убеждал и А. А. Фреймана¹³ голосовать против, но тот отказался.

<...> К написанному я считаю нужным добавить, что ни со Струве, ни с Казанским у меня никогда личных столкновений со времени моего с ними знакомства не было; напротив, и тот и другой в свое время держали у меня государственные и магистерские экзамены, и их выдержали.

Статьи обоих я в свое время печатал в покойном Журнале Министерства народного просвещения»¹⁴.

Дальнейшие перипетии отношений Струве и Жебелёва относятся уже к 1930-м, когда оба стали классиками советской науки о древности. В середине же 1920-х гг. два будущих основоположника ее базовых концепций — типологического единства древних обществ на базе рабовладельческого способа производства и крушения рабовладения в результате классовой революции (революции рабов) — пребывали в состоянии конфликта.

Научное наследие академика Струве пока не может быть подвергнуто всестороннему анализу: его фонд, переданный из «Архива востоковедов» Института восточных рукописей РАН в Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, пока не описан и для исследователей недоступен. Тем интереснее для истории науки обнаружить неизвестную ранее работу академика Струве в другом архивном собрании. В Российском государственном архиве истории и искусства (РГАЛИ)¹⁵ в фонде Н. Е. Ончукова хранится документ «Возражения и дополнения к докладу С. Я. Лурье “Социальная революция в древнем Египте”» с дарственной надписью на первой странице: «Профессору Николаю Евгеньевичу Анчукову от В. Струве (24 страницы рукописи)»¹⁶. «Возражения и дополнения...» представляют собой законченную статью, определенно неопубликованную ранее в ее исходном виде. Текст датирован 5 января 1925 г. Данный архивный документ интересен в следующих отношениях: первому печатному появлению концепции социальной революции в Древнем Египте предшествовала длительная дискуссия, в которой принимал участие не

¹² Казанский Борис Васильевич (1889–1962) — филолог-антиковед, пушкинист, профессор ПГУ/ЛГУ (1921–1930, 1937–1959), профессор ЛГИЛИ/ЛИФЛИ (1930–1937).

¹³ Фрейман Александр Арнольдович (1879–1968) — филолог-иранист, чл.-кор. АН СССР (1928), на момент написания письма — профессор Ленинградского университета, член Института сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока.

¹⁴ Санкт-Петербургский филиал АРАН. Ф. 800. Оп. 3. Д. 360. Л. 19–19 об.

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 1366. Оп. 1. Д. 158. Л. 1–24.

¹⁶ Там же. Л. 1–14 об. — Струве написал фамилию с ошибкой. Ончуков, Николай Евгеньевич (1872–1942) — археолог, этнограф, профессор Ленинградского ун-та в 1924–1930 гг. Научная деятельность прервана чередой репрессий.

один только В. В. Струве. Истории «одного из ключевых элементов в построениях Струве — идеи о социальном перевороте в Древнем Египте» — недавно была посвящена специальная статья¹⁷, однако она не принимала во внимание работу Струве из фондов РГАЛИ, не учитывала и ту дискуссию, которая за ней скрывалась. Соответственно, выводы А. А. Ильина-Томича, сами по себе весьма интересные, построены на неполной источниковой основе.

Суть полемики сводится к толкованию содержания двух папирусных источников: Лейденского папируса № 344, содержащего «Речи мудреца Ипувера», и Эрмитажного папируса № 1116В recto, содержащего предсказания пророка Ноферре-ху. С. Я. Лурье предположительно в 1923 г. сделал доклад «Социальная революция в Египте» в Палестинском обществе, в котором содержание этих папирусов свел к передаче неких народных праздников, вроде славянской Масленицы или римских сатурналий. Струве подготовил развернутый ответ, датированный им самим 5 января 1925 г.

Струве оппонировал Соломону Яковлевичу Лурье (1891–1964) — историку-антиковеду, специалисту по истории науки. С. Я. Лурье — выпускник историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета. Несмотря на то что из-под его пера вышло более 200 научных работ, вполне справедливым выглядит замечание А. А. Мировщиковой: «До сих пор научная биография С. Я. Лурье не получила должного освещения в историографии»¹⁸, и данная публикация могла бы послужить развитию не только актуальных представлений об эволюции научных взглядов В. В. Струве, но и С. Я. Лурье. Ученик С. А. Жебелёва, начинающий антиковед оказался и в поле зрения крупнейшего российского историка — антиковеда, ираниста М. И. Ростовцева. С осени 1918 г. С. Я. Лурье работает в ПГУ в должности приват-доцента, однако этот период деятельности Лурье длился недолго: в первой половине 1920-х гг. он сотрудничает с целым рядом научно-преподавательских учреждений Петрограда. С 1923 г. Лурье преподает на факультете общественных наук Петроградского университета. Он активно занимается греческой эпиграфикой, историей античной философии¹⁹.

Струве полагал, что антиковед Лурье (который, однако, занимался древнеегипетским языком) некомпетентен для работы с папирусными документами и отстаивал мнение, выработанное им независимо от европейских и российских египтологов, согласно которому оба документа описывают ситуацию, которую следует назвать социальной революцией. Причем именно в работе Струве, в отличие от остальных, делается акцент на слове «революция» — другие египтологи используют иные понятия — «переворот», «беспорядки» и т. д. Для Струве, однако, было важно сведение сути обоих документов к тем или иным событиям, историчным в своей основе и относящимся к сотрясению структуры общества. Публикуемая ниже работа позволяет считать именно В. В. Струве автором понятия «социальная революция» применительно к древневосточной истории в советской науке, отстоявшим

¹⁷ Ильин-Томич А. А. Социальный переворот в Египте в трудах В. В. Струве // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2016. Т. 4. Вып. 2. С. 35–47.

¹⁸ Мировщикова А. А. Между «старой» и «новой» наукой: путь С. Я. Лурье в переломное для России время (вторая половина 1910-х — начало 1930-х годов XX века) // Ученые записки Казанского Университета. Серия Гуманитарные науки. 2017. № 4 (159). С. 910.

¹⁹ См. подробнее: Мировщикова А. А. Между «старой» и «новой» наукой. С. 916–918.

его и выведшим на первый план в глобальных исторических схемах. Дальнейшим развитием этой концепции должна была явиться теория «революции рабов», которая, в категориях советской марксистской науки середины 1930-х гг., «смела» античное общество, расчистив путь для развития феодальных отношений²⁰.

Полемика между В. В. Струве и С. Я. Лурье продолжилась и далее. Лурье выступил в печати с критикой построений Струве, указывая на имеющиеся в его аргументах противоречия²¹. Его формулировки — слишком обобщающие, а также слегка завуалированное обвинение в «передергивании» — дописывании статьи после его доклада без его упоминания — не устроили Струве, и он счел необходимым ответить, перейдя от теории Лурье в целом к конкретным папирусным текстам²². В какой-то степени конец полемике был положен только в 1935 г., когда Струве издал «Речение Ипувера»²³.

Обращает на себя внимание уважительный тон полемики, притом что отношения между В. В. Струве и С. Я. Лурье определенно не были безоблачными. Их отличало отношение к советской власти, новым научным структурам и новым учениям, в частности яфетической теории («новое учение о языке» Н. Я. Марра)²⁴. На их отношения не могла наложить отпечаток позиция В. В. Струве, который присоединился к числу противников избрания С. А. Жебелёва — учителя С. Я. Лурье в Санкт-Петербургском университете — в действительные члены АН СССР. Избрание произошло в мае 1927 г., однако ему предшествовала длительная и в высшей степени драматическая история, начавшаяся с подачи В. П. Бузескула в самом начале 1920-х гг.²⁵ В начале 1925 г., когда Струве заканчивал свой доклад, идея выдвижения Жебелёва в академики уже витала в воздухе и должна была быть известна Струве.

Некоторые характерные эпизоды приведены в мемуарах Б. Я. Копрживы-Лурье. Один из них относится к периоду после 1935 г., когда В. В. Струве уже был действительным членом АН СССР, тем не менее суть его кроется в более раннем периоде: «Он мог на заседании, где председательствовал глава отечественной египтологии — Василий Васильевич Струве, выразить радость, что “здесь присутствует наш крупнейший египтолог — Юрий Яковлевич Перепелкин” (Перепелкин числил кандидатом наук, а Струве — академиком)»²⁶.

²⁰ См. подробнее: Крих С. Б. «Революция рабов» в отечественной историографии 30-х гг. XX века // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. 2006. Т. 17. С. 224–236.

²¹ Лурье С. Я. Предтечи анархизма в древнем мире. М., 1926. С. 37–38.

²² Струве В. В. По поводу статьи о папирусе 1116b (ЗКВ, I, 209 и след.) // Записки коллегии востоковедов. 1926. Т. II. Вып. 2. С. 405–406.

²³ См.: Струве В. В. Социальный переворот в Египте в конце Среднего царства (около 1750 г. до н. э.) // Речение Ипувера, Лейденский папирус № 344, М.; Л., 1935. С. 3–38.

²⁴ Ср. беспристрастное, но имеющее право на существование высказывание: «Василия Васильевича Струве и его друзей отличало от учеников Жебелёва именно то обстоятельство, что они уже в конце 20-х годов приняли это “причастие буйвола”» — Копржива-Лурье Б. Я. История одной жизни. Париж, 1981. С. 114.

²⁵ Подробнее см.: Ананьев В. Г., Бухарин М. Д. Избрание С. А. Жебелёва в действительные члены АН СССР // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2019. No. 13. С. 1–77.

²⁶ Копржива-Лурье Б. Я. История одной жизни. С. 12.

Дискуссия по сути папирусных документов определенно предшествовала тому периоду, когда Струве набирал «научно-политический вес»²⁷, по этой причине тональность дискуссии выдержана во вполне коллегиальных тонах.

Работа В. В. Струве «Возражения и дополнения к докладу С. Я. Лурье “‘Социальная революция’ в Египте»» является наиболее ранним свидетельством существования концепции «социальной революции» на Древнем Востоке. Ее положения Струве представил и полгода спустя, 16 июня 1925 г., в докладе, прочитанном в Институте истории искусств «Музей Древнего Востока в социологическом освещении», в котором говорится о социальной революции в Древнем Египте не в полемическом ключе, а уже как о чем-то совершенно привычном и понятном²⁸. Текст доклада С. Я. Лурье, которому возражал Струве, не найден, однако указания на широкий контекст, в котором готовилась работа Струве, позволяют считать, что данное представление было широко распространено в российской исторической науке уже во второй половине 1910-х гг.

В задачу автора не входит разбор египтологических построений оппонентов, предоставим эту сторону вопроса профессионалам-египтологам. Для истории науки важным представляется обнаружение и публикация неизвестной ранее работы В. В. Струве, открывающей панораму активной полемики по актуальным вопросам европейской египтологии, с одной стороны, а с другой — сыгравшей не последнюю роль в складывании категориального аппарата советской исторической науки. Данная работа важна и в свете анализа неизданного творческого наследия академика Струве в целом, которое, хочется верить, когда-нибудь будет опубликовано.

Рукопись В. В. Струве из фондов РГАЛИ написана четким почерком, чернилами, с минимальными исправлениями; зачеркнутые слова выделены звездочками. Текст публикуется с авторской пунктуацией. Орфография приведена в соответствие с современными нормами правописания. Сокращения раскрываются в угловых скобках. Пагинация текста претерпела изменения. На первой странице, на которой Струве сделал дарственную надпись, номера нет. На последующих страницах номера исправлялись: чернильные, поставленные Струве, были зачеркнуты и заменены карандашными, учитывающими наличие первой страницы, однако все равно не сохранившими четкой последовательности. Публикация следует пагинации В. В. Струве. Авторские библиографические примечания воспроизводятся в конце текста так, как они сделаны в тексте Струве. Как и в рукописи, они обозначены арабскими цифрами с круглой скобкой.

*Профессору Николаю Евгеньевичу Анучкову
от В. Струве
(24 страницы рукописи).*

[1]
Возражения и дополнения к докладу С. Я. Лурье «“Социальная революция” в Египте»
В. В. Струве

²⁷ Ср. жалобы С. Я. Лурье на то, что по инициативе Струве его выгоняли из университета (*Копржива-Лурье Б. Я. История одной жизни. С. 117*).

²⁸ *Ананьев В. Г., Бухарин М. Д.* В. В. Струве и Институт истории искусств (к истории концепции социальной революции в Древнем Египте) // *Вестник древней истории. 2018. №4. С. 971–989.*

Тексты, послужившие основой для доклада С. Я. Лурье — Лейденский пап<ирус> № 344, содержащий т<ак> н<азываемые> «речи мудреца Ипувера» и Эрмитажный папирус № 1116В recto, содержащий предсказания пророка Ноффереху, очень трудны и интерпретация их требует большого напряжения от специалиста. Первый исследователь, занявшийся Лейденским папирусом был готов видеть в нем «докторскую диссертацию» древнеегипетского университета. Лишь в 1909 г. этот текст был более или менее удовлетворительно издан¹⁾. Эрмитажный папирус оказался настолько сложным, что издатель его В. С. Голенищев, прекрасный знаток египетского языка, оставил его без перевода²⁾. И теперь имеются лишь опыты перевода его³⁾.

Я лично беру на себя смелость выступить по поводу доклада С. Я. не потому только, что я до некоторой степени имею право считать себя египтологом, но главным образом потому, что оба указанные папирусы, и другие родственные им тексты были всесторонне изучены мною в семинариях в совместной работе с моими слушателями, а также ввиду того, что эти тексты были использованы [2] в *4* 5 исследованиях, отчасти уже напечатанных, отчасти приготовленных к печати⁴⁾. Справедливость моего утверждения о трудности интерпретации и для специалиста — Лейденского папируса доказывается тем обстоятельством, что личность мудреца, ведущего рассуждения, еще отнюдь не является твердо установленной. Правда некоторые из египтологов окрестили его «Ипувером», но это утверждение вызывает во мне сильнейшее сомнение. Дело в том, что имя «Ипувер» встречается лишь в конце папируса (столб<ец> XV, стр. 13): «То, что сказал Ипувер, когда он отвечал Его Величеству владыке вселенной». Предшествующий контекст совсем разрушен, зияет громадная лакуна в 9 строк. Поэтому можно предположить, что словами «То, что сказал Ипувер и т. д.» начинается новый самостоятельный памятник, который был прицеплен переписчиком к предшествующему тексту вследствие сходности содержания. Подобное предположение тем более вероятно, что содержание текста, предшествующее указанной лакуне, посвящено описанию конечного благополучия Египта после революционных потрясений. Текст же следующий за словами «то, что сказал Ипувер и т. д.» снова описывает смуту и разруху в стране. Если ввиду этого мое предположение окажется приемлемым, то мы получили бы еще один текст, повествующий о египетской социальной революции.

Трудность интерпретации Лейденского папируса сказалась и в переводе С. Я., сделанного им [3] с немецкого перевода Ad. Erman'a, данного этим авторитетнейшим египтологом в своей прекрасной книге «Die Litteratur der Aegypten», Leipzig, 1923, стр. 130 сл. В связи с этим я считаю своим долгом указать на недозволенность с методологической точки зрения для исследователя, незнакомого с языком основного его источника, строить свои выводы на переводе. Дело в том, что переводчик, и самый адекватный, не может иметь в виду всех тех выводов, которые может сделать из его перевода досужий читатель-неспециалист, и поэтому перевод, даже самый солидный, может быть раздавлен тяжестью построенных на нем выводов. Сам Ad. Erman предвидит эту опасность и предостерегает своих будущих читателей от чрезмерной смелости: «Ich habe dieses Buch ... geschrieben ... für die vielen, die Interesse am Altertume haben und denen doch das Gebiet der ägyptischen Litteratur bisher unzugänglich war. An diese muss ich dann freilich die Bitte richten, das Buch nicht zu missbrauchen und aus ihm nicht mehr schöpfen zu wollen, als es zu geben imstande ist. Es soll die Texte als Ganzes bekannt machen; aber wer Untersuchungen über einzelne Punkte anstellen will, den bitte ich auch die Bearbeitungen der Ägyptologen heranzuziehen, auf die ich bei jeder einzelnen Schrift verwiesen habe»^{29 5)}. Я. С. не внял этой убедительной просьбе Ad. Erman'a и не использовал хотя бы указанное издание А. Н. Gardiner'a. Может быть вни-

²⁹ Я написал эту книгу... для многих интересующихся древностью, для которых область египетской литературы была до сих пор недоступной. К ним я хотел бы обратиться просьбу не злоупотреблять книгой и не черпать из нее более, чем она в состоянии дать. Она призвана ознакомить с тек-

мательное и добросовестное изучение труда английского ученого исправило бы места-ми перевод [4] С. Я. и удержало бы его от «поспешных» выводов доклада. Что касается интерпретации С. Я. Лейденского папируса, то, к сожалению, при быстром чтении я мог проследить за всеми деталями ея *перевода*. Из того, что мне удалось запомнить, вызывает мое сомнение понимание, resp. непонимание следующих мест текста: ради курьеза я указываю на перевод С. Я. столб<ец> II, стр. 8: «люди стали, подобно очищенным курицам». В тексте люди сравнены в птицей «дт», птицей, питающейся падалью, отбросами, следовательно птицей живущей в грязи и перевести надо соответствующий контекст: «люди стали, подобно (грязным) птицам “дт”. Грязь во всей стране. Нет человека, одеяние которого было бы белым в это время». Непонятно недоумение, *вызывающее* вызванное у С. Я. строкою 4, столбца II. Мы читаем здесь: «Женщины бесплодны, не беременны». В тяжелое время падает рождаемость, автор папируса указывает на этот факт и объясняет его с точки зрения своего времени: «не творит больше Хнум (бог-творец людей) из-за состояния³⁰ страны». Счастливое время ознаменовывается обильным деторождением и поэтому великий царь Аменемхет III, создавший благополучие своей страны, сравнивается и отождествляется с Хнумом-творцом людей: «он тот, который возвращает того, который родится. Он Хнум для всех людей, творец, который творит людей»⁶⁾. Не менее удивит всякого специалиста непонимание С. Я. строк 6–7 столбца II: «Многие мертвые погребены в потоке. Река (превратилась) в гробницу, (а) местом [5] бальзамировки сделалась река». Эта несколько вычурная для нашего вкуса фраза все же вполне понятна и выражает весьма простую мысль: «мертвых теперь в Египте столько, что их кидают в речку, как простую падаль, и поэтому место бальзамировки *тоже* может быть отождествлено с рекой, а река может быть отождествлена с местом бальзамировки, resp. гробницей³¹ Излишним я считаю и недоумение С. Я. по поводу «лысого», получившего кувшин с мазью (столб<ец> 8, стр. 4). Точный перевод данного контекста гласит: «волосы которого выпадали потому, что он имел своего масла, стал собственником (целых) кувшинов с лучшим миром». Таким образом, перед нами одна из иллюстраций к обогащению низов, захвативших власть. Недоумения С. Я. были вызваны несколько вольным переводом Ad. Erman'a (у.с., стр. 142): «Der Kahlköpfige, der kein Öl brauchte, besitzt jetzt Krüge mit angenehmen Myrrhen»³². Если бы С. Я. был бы в состоянии справиться в египетском оригинале, то недоразумения его быстро рассеялись бы. Совсем непонятным, чтобы не сказать больше, покажутся каждому египтологу, те затруднения, которые находит С. Я. в интерпретации строк 3–4 столбца X. Здесь и перевод Ad. Erman'a не дает места каким либо сомнениям в понимании текста. Я перевожу указанные строки нашего папируса следующим образом: «Закром заря стал достоянием всякого. Весь дом царя остался без своих доходов. Ему же (по праву) принадлежат пшеница, ячмень, птицы и рыбы, ему принадлежат холст, тонкое полотно, медь, [6] масло, ему принадлежат ковры, циновки, цветы, носилки и все прекрасные подати». С. Я. смущает «ему», он недоумевает, к чему или к кому отнести это местоимение. Он готов видеть здесь намек на какую-то «мистическую» силу. Я полагаю, что для всякого прочитавшего эти только что процитированные строки без какой либо предвзятой идеи является ясным, что «ему» относится к «дому царя». Дом царя стоит пустым, хотя и «ему», т. е. «дому царя» принадлежат все подати.

Вот все, кажется, что вспоминается мне из деталей интерпретации С. Я., вызвавших мои сомнения. При обстоятельном ознакомлении с «переводом» С. Я. мои сомнения возросли бы до бесконечности, но я думаю, что уже мои *уже* приведенные замечания, не-

стами в целом, однако я прошу тех, кто хотел бы исследовать частности, привлекать исследования египтологов, на которые я указываю при каждом отдельном тексте (нем.).

³⁰ Так в тексте Струве.

³¹ Кавычка, открывающая это предложение, в рукописи Струве не закрыта.

³² Лысый, которому не нужно было масло, обладает теперь кувшином с прекрасным миром (нем.).

смотря на всю их случайность, все же доказывают невозможность для неспециалиста, почти незнакомого ни <с> языком, ни с культурой Египта, браться за интерпретацию такого тяжелого текста, как Лейденский папирус № 344.

Еще менее, нежели интерпретация, удовлетворит толкование С. Я. *тол* Лейденского папируса и отчасти нашего Эрмитажного папируса № 1116В. С. Я. отрицает историчность обоих текстов, и готов видеть в них ритуал праздника масленицы, кроний, сатурналий, соответствующих, по его мнению, в Египте празднику в честь Осириса, бога умирающего и воскресающего. В своем отрицании историчности Лейденского папируса № 344 С. Я. <воспроизводит> по существу мысль R. Weil'я, пытавшегося в свое время (в 1910 г.) подойти к названному тексту исключительно с точки зрения историко-литературной. [7] Французский египтолог видел в папирусе исключительно литературный памятник, развивающий «le thème du désordre»^{33,7)}. Но уже тогда это толкование Weil'я, не являющегося египтологом первого разряда, противоречило наблюдениям А. Н. Gardiner'a, издателя Лейденского папируса. Gardiner определенно заявляет, что «the existence of some historical background few will venture to dispute»³⁴ и полагает, что папирус отражает смуты переходной эпохи от Древнего к Среднему царству⁸⁾.

Gardiner приводит и мнение K. Sethe, одного из крупнейших египтологов. Последний столь же определенно высказывается за историчность папирусы³⁵, но он склонен отождествить внутренние смуты и вторжения иноземцев, описываемые текстом, с бурными событиями Гиксосского завоевания⁹⁾. В последующее время египтологи еще яснее и отчетливее выявили историчность Лейденского папируса. Уже весной 1917 г. мне стало очевидным, что Лейденский папирус № 344 recto сохранил нам свидетельство о социальной революции, потрясшей Египет на рубеже Среднего и Нового царств. Отклики этой революции я полагал найти и в нашем эрмитажном папирусе № 1116В. В том же 1917 г. моя работа об этом египетском социальном перевороте была в общем готова. Мой покойный учитель академик Тураев по существу согласился с результатами моей работы. Б. А. оказал мне честь, приняв эти результаты в своей прекрасной книге «Древний Египет» (Изд. «Огни», Петроград, 1922 г.), стр. 70 сл. Здесь мы читаем: «Вообще время после XII дин<астии> было одним из самых бедственных в Египте... [8] Политические писания ближайшей эпохи вспоминают о нем, как о времени необычайного социального переворота, великих потрясений и безысходной гражданской скорби о гибели родины». Затем следуют пространные цитаты из Лейденского папируса №344^x, а также из Эрмитажного папируса № 1116В. Этим цитатам из обоих текстов Б. А. дает следующее заключение: «Эти памятники, которые по справедливости могут быть названы произведениями политической литературы, взаимно дополняют друг друга и воспроизводят перед нами черты социального переворота, когда все перевернуто вверх дном, когда засилие черни грозит культуре, когда страна отрезана от внешнего мира и испытывает полное оскудение во всем необходимом»³⁶.

³³ Тема беспорядка (*фр.*).

³⁴ Мало кто возьмется оспаривать существование определенного исторического фона (*англ.*).

³⁵ Так в тексте Струве.

³⁶ Об этом же Тураев писал и в своем последнем труде, вышедшем сразу же после его кончины, где проводил совершенно определенную параллель между событиями, описанными в Лейденском папирусе, и революционным лихолетьем в России. Определенно, Струве стремился избегать подобных сравнений: «Длинные речи Ипувера представляют множество плохо сгруппированных логически, но связанных известным нам литературным приемом рефреном изречений, в которых мудрец рисует безотрадное состояние отечества, весьма часто прибегая также к излюбленному приему противопоставлений, имеющих целью указать, что в современном ему Египте невозможное сделалось возможным (напр.: «имеющий платья — в лохмотьях, не ткавший — обладатель виссона; не строивший для себя лодок — обладатель кораблей; владевший ими — смотрит на них, но они уже не его» и т. п.), картина, писанная автором, напоминает нашу современность и, вероятно, отражает происшедший в Египте или после крушения Древнего царства или перед эпохой Хиксосов гран-

Я к сожалению не смог напечатать моей работы о социальной революции в Египте, хотя и ссылаюсь на нее в двух напечатанных мною статьях¹⁰⁾. Я успел лишь прочитать в 1919 г. публичный доклад на тему «Социальная революция в Древнем Египте»¹¹⁾. Впоследствии³⁷⁾ я узнал, что мой покойный товарищ проф<ессор> Новороссийского университета А. Л. Коцейковский³⁸⁾ пришел к тому же толкованию Лейденского папируса № 344, что и я. Свои наблюдения А. Л. напечатал в одном из периодических органов Одессы³⁹⁾. Когда мы стали получать заграничную литературу, я мог констатировать, что и Ad. Erman, глава современных египтологов, сделал почти те же выводы из названного Лейденского папируса¹¹⁾ 40). [9] Он также определенно настаивает на историчности текста: «Daran, dass sich wirklich historische Vorgänge darin abspielen, wird ja wohl niemand zweifeln, der die ersten beiden Gedichte liest; all die einzelnen Züge, die sie berichten, sind so richtig, dass kein Dichter sie erfinden könnte, der nicht eine solche Umwälzung wenigstens aus lebendiger Überlieferung gekannt hätte»⁴¹⁾ 13). И, по мнению Ad. Erman'a, сущность содержания папируса сводится к повествованию о социальном перевороте: «Der Ruin der Klasse, die die Kultur Ägyptens geschaffen hat, u. ihre Verdrängung durch eine gemeine Barbarei — das ist also nach unserem Dichter das Ergebnis jener Umwälzung gewesen. Ihren Ursprung aber scheint sie genommen zu haben in dem Hasse des Volkes gegen das Beamtentum, das es mit seinen Akten u. Listen, seinen Gesetzen u. Gerichten bedrückte. Die geregelte Verwaltung, deren Ausbildung die grosse Leistung des ägyptischen Volkes darstellt, hat eben auch ihre Kehrseite gehabt, und an ihren Schäden wird das alte Reich zugrunde gegangen sein, als eine überlange Regierung das Königtum geschwächt hatte»⁴²⁾ 14). Из этих слов Erman'a явствует близость его и моих выводов. Единственным пунктом расхождения является датировка социального переворота. Erman его определяет концом Древнего царства, а я и также Б. А. Тураев определяем концом Среднего царства. Но это расхождение в данный момент не является существенным. К тому же толкованию Лейденского папируса, что и Ad. Erman, Б. А. Тураев, [10] А. Л. Коцейковский и я, пришел ряд *египет* английских египтологов — Н. R. Hall¹⁵⁾, Т. E. Peet¹⁶⁾, А. M. Black-

диозный социальный переворот...» (Тураев Б. А. Египетская литература. Т. I. Исторический очерк древнеегипетской литературы. М., 1920. С. 71). Ср. колкое замечание по этому поводу: «...концепцию Тураева усвоил и его ученик В. В. Струве, но он довольно скоро догадался перейти от пессимистической характеристики этого переворота к оптимистической» (Копржива-Лурье Б. Я. История одной жизни. С. 102).

³⁷⁾ Так в рукописи.

³⁸⁾ Коцейковский Александр Леопольдович (1887–1919), как и В. В. Струве, учился у Б. А. Тураева на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета, стажировался у А. Эрмана в Берлине; в 1915–1919 гг. преподавал в Новороссийском университете (Одесса) — читал курс истории Древнего Египта и искусства Древнего Востока.

³⁹⁾ Скорее всего, имеются в виду «Известия Одесского библиографического общества при Новороссийском университете» (1911–1916), в котором А. Л. Коцейковский опубликовал несколько рецензий, однако обнаружить публикацию, о которой ведет речь В. В. Струве, не удалось. Возможно, Коцейковский собирался ее представить, но преждевременная смерть от тифа не дала этим планам осуществиться.

⁴⁰⁾ Здесь Струве ошибся в нумерации примечаний. Правильно ¹²⁾.

⁴¹⁾ Никто из тех, кто прочтет первые два стиха, не будет сомневаться в том, что здесь обыгрываются действительно исторические события; все отдельные черты, которые они передают, столь правдивы, что никакой поэт, который не пережил бы эти трансформации на собственном опыте, не выдумал бы их (нем.).

⁴²⁾ «Руины класса, который создал культуру Египта, и ее вытеснение общим варварством — вот в чем состоял результат, по мнению нашего поэта, всякого переворота. Но их происхождение, по-видимому, она приняла в ненависти народа по отношению к чиновничеству, который своими бумагами и списками искажал законы и судебные решения. У регулируемого управления, образование которого представляет собой значительное достижение египетского народа, была и обратная сторона, и его упадок вел к исчезновению Древнего царства, так как чрезмерно длинное управление ослабило царство» (нем.).

man¹⁷⁾. Во Франции А. Moret пришел к тому же выводу. Согласно любезному сообщению акад<емика> Н. Я. Марра Moret в 1922 г. прочитал в Париже доклад на тему о социальном революциях в Древнем Египте.

Такой consensus aegyptologorum⁴³, отчасти вполне независимых друг от друга, конечно, в сильнейшей степени ослабляет позицию С. Я. Ведь тезисы его доклада — отрицание историчности Лейденского папируса и понимание его как ритуала праздника в честь Осириса, соответствующего якобы «сатурналиям», диаметрально противоположны толкованию *Лейденского папируса почти всеми* египтологами, *занимавшимися* данным текстом. Такое единодушие египтологов в оценке папируса, объясняется характером его. Он *действительно* имеет все признаки «исторического текста», текста, отражающего реальные исторические события, зафиксированные современником. Действительно, содержание его сводится главным образом к *детальному* обстоятельному, полному конкретным деталям, описанию внутреннего состояния Египта. Какое то лицо, имя которого мы к сожалению не можем определить ввиду фрагментированности первого столбца текста повествует о смутах и разрухе в стране, уничтоживших всю старую организацию административного, финансово-хозяйственного и судебного распорядка Египта. Смута не остановилась и перед покушением на царскую [11] власть. С чувством ужаса повествуется об этом в папируса: «раскрыты тайны царей Верхнего и Нижнего Египтов» (столб<ец> VII, 5–6); «Было приступлено к лишению страны царской власти немногими людьми, не знающими закона. Люди решились на мятеж против царя, глаза Ре, умиротворяющего обе земли» (столб<ец> VII, 2–4); «Свершились дела, которые никогда не свершались: Царь захвачен бедными людьми» (столб<ец> VIII, 1). Смуты коснулись и социальной структуры старого общества. Низы громят знать и средний класс и вот эти страницы Лейденского папируса, которые посвящены описанию социальной революции, наиболее яркие, наиболее сильны. Здесь чувствуется великая скорбь повествователя, здесь его речь полна словами укоризны, оскорбленного сословного самолюбия, а часто и глубоко прочувствованной горечи. Основной нитью всех этих горестных жалоб является то обстоятельство, что сословия перемешались, что верхи стали низами, а низы верхами, или пользуясь образным выражением самого текста: «земля перевернулась подобно гончарному кругу» (столб<ец> II, 8). Весь папирус полон примеров этого основного положения. Так непосредственно за афоризмом о земле, перевернувшейся подобно гончарному кругу, следует жалоба о том, что «разбойник стал собственником, богач превратился в грабителя» (столб<ец> II, 9). Бесчисленное множество раз подчеркивается этот переход собственности от имущих к неимущим — явление, столь характерное для любой социальной революции: «Тот, который спал без жены из-за бедности, он находит теперь даже благородных женщин. Тот, который не имел своего имущества, [12] стал теперь владельцем богатств. Простолудины страны стали богатыми. Собственники богатств стали неимущими. Руководимые стали собственниками рабов. Тот, который не имел своего хлеба, стал собственником закрома. Его кладовая полна собственностью другого. Женщина, не имевшая даже ящичка со своим добром, стала собственницей большого имущества. Та, которая смотрела на лицо свое в воде, стала собственницей зеркала» (столб<ец> VIII, 1–5) и т. д. Воскликание С. Я. по поводу этого обогащения бедняков: «Что же это за революция, когда собственность не уничтожается, а переходит от богатого к бедному!» — доказывает лишь полную и безнадёжную путаницу терминологии у докладчика. Ведь речь идет о «социальной» революции, а не о «социалистической» революции».

Некоторое преувеличение и утрировка в описании социального переворота объясняется не «масляничным бредом», как «оригинально» предполагает С. Я., а просто тем фактом, что перед нами в лице Лейденского папируса политический памфлет египетского «контрреволюционера». Автор папируса является согласно общему тону всех его речей,

⁴³ Согласие египтологов (*лат.*).

человеком, стоящий обеими ногами в старом мире и поэтому с горечью и скорбью наблюдающий за рушением его. Он относится с ненавистью к тем «бедным людям», которые уничтожали старый, освященный многовековыми традициями строй, и пытались установить новый, неведомый до того мир. Мое определение Лейденского папируса как политического памфлета не опровергается его поэтической формой. В Египте легко и охотно облекалось описание событий, [13] обративших на себя внимание современников, в поэтическую форму. Вспомним песню о победоносном походе на азиатов Унаса, вельможи Древнего царства, в его же гробнице¹⁸), или же песню о победе Рамсеса II при Кадеше на стенах его храма¹⁹), или же песню о победе Мернептаха над Ливийцами, составленную непосредственно за этим событием²⁰). Такие песни складывались быстро. Форма их была незатейлива. В эпоху Древнего и Среднего царств стереотипный припев должен был сопровождать отдельные фразы. Этот принцип применил и автор лейденского папируса. Выражения вроде «воистину» или «смотрите» и др. прицеплены к каждому образу, напр<имер> «Воистину! Пустыней стала страна. Номы разгромлены. Варвары извне пришли в Египет» (столб<ец> III, 1), или же «Смотрите! Столица встревожена недостатком. Все стремятся разжечь гражданскую войну. Нет возможности сопротивляться. Страна племена шайками грабителей. Простолудин берет имущество знатного» (столб<ец> VII, 6–7) *или с* Любовь и способность к таким незамысловатым поэтическим импровизациям характеризует и современных египтян²¹).

Социальный переворот, столь детально описанный Лейденским папирусом, имеет свои аналогии в истории других культур древнего Востока. Близки к социальной революции были реформы шумерийца Урукагины²²) или сирийца Киламу²³). Восстание низов в эпоху XVIII в. допускает Evans на Крите²⁴). На социальный переворот в том же веке намекает одна из таблечек архива *Бо*⁴⁴ Хеттских [14] царей²⁵). Подлинную социальную революцию пережила Персия Сасанидской эпохи²⁶).

Ввиду всего выше сказанного я решительно настаиваю на историчности Лейденского папируса и беру на себя смелость утверждать, что попытка С. Я. найти в названном тексте ритуал праздника Осириса основан<a> на недоразумениях и на недоказанных предположениях.

Действительно, в самом тексте мы имеем тут и там замечания о том, что события, которые происходят в стране и непонятны и совершаются в первый раз. Например «Воистину! Нил орошает, но никто не пашет для него. Каждый человек говорит: “Мы не понимаем, что происходит в стране”» (ст<олбец> II, 3), или «Смотрите! Свершились дела, которые никогда не свершались. Царь захвачен бедными людьми» (столб<ец> VII, 1). Такие выражения в праздничном ритуале, осуществляемом периодически, являются неуместными. Да вообще мысль С. Я. искать в Лейденском папирусе отражение праздника Осириса, — сатурналий — кроний — Масленицы — очень и очень странна, чтобы не сказать больше. Единственный напоминающий сатурналии признак, который имеется в разбираемом тексте это уравнение рабов и господ. В сатурналиях, действительно, рабы становились на время праздника на положении господ и получали право голоса, подобно египетским рабыням, согласно Лейденскому папирусу: «Рабыни все стали владеть своими устами. Если приказывают их госпожи, то это тяжело переносить рабыням» (столб<ец> IV, 13–14). Но такое уравнение может явиться и [15] последствием социальной революции. Предположение таковой может нам объяснить всю своеобразность содержания Лейденского папируса. Объяснение же всех деталей повествования папируса догадкой, что в последнем зафиксировано описание каких-то египетских Сатурналий, определенно невозможно. Дело в том, что повествование папируса *заполнено сплошь* об обогащении низов прерывается сплошь и рядом описанием убийств и насилия. «Все стремятся разжечь гражданскую войну. Нет возможности сопротивляться. Страна пленена шайками»

⁴⁴ Очевидно, Струве хотел написать Богазкёя.

(столбец VII, 6–7), «Лица свирепы, лучник готов. Злодеи повсюду» (столбец II, 1). «Человек видит в сыне своего врага» (столбец I, х+5). «Человек убивает брата своей матери» (столбец V, 10). «Убивают человека рядом с братом его, а тот убегает, чтобы спасти себя» (столбец IX, 3). «Сердце людей жестоко. Смерть во всей стране. Кровь повсюду» (столбец II, 5). «Поток крови. Если люди пьют из него, то они отталкиваются вкусом крови, они жаждут чистой воды» (столбец II, 10) и т. д. Таких цитат с описанием насилий и убийств можно найти в папирусе бесчисленное множество. Если мы прибавим сюда еще описание разгрома государственных учреждений, *грабежа и* разрушения дворцов, домов, гробниц и повсеместного грабежа, то мы можем сказать, что, согласно автору папируса, современный ему Египет залит был морем крови и стонал от насилий «злодеев, которые пленили страну». Все это — убийства, грабеж и насилие не могли входить в ритуал ни одного праздника и поэтому уже одно это доказывает всю невозможность построения С. Я.

[16] Не выдерживает критики и утверждение С. Я., что в Лейденском папирусе имеются указания на миф Осириса. По его мнению, выражение текста «огонь поднялся высоко; пламя его исходило против врагов страны» (столбец VII, 1) указывает на появление божества. Но вывод такой отнюдь не обязателен. *Огонь* Носителями *огня* могут быть и войска царя и сам царь. Например в надписи Камеса, повествующей о победе над Гиксосами, царь говорит: «Мое мощное войско передо мной было подобно дыханию пламени»²⁷). О войсках Мернептаха говорит текст, что «они кидали огонь в города и сжигали местности»²⁸). А про Рамсеса II один из текстов, описывающих его победу при Кадеше, говорил следующее: «Царственная змея на моем челе низвергла моих врагов. Она исторгла пламя в лицо врагов. Я был подобно Ре, когда он всходит утром и мои лучи сжигали *члены* тела врагов»²⁹).

Поэтому упоминание «огня» еще не доказывает наличие мифа. Вообще надо сказать, что Лейденский папирус один из немногих египетских текстов, в котором почти отсутствуют элементы какого-либо мифа. Имеется только в одном месте намек на миф, но не миф Осириса, а миф Ре, бога солнца. Когда автор Лейденского папируса заканчивает описание разрухи Египта, он обращает свои взоры к далекому прошлому к золотому времени, когда Ре бог-солнце сам царил над людьми и скорбит о том, что бог не возвращается больше к правлению. Вот этим и исчерпываются мифические элементы, которые содержит Лейденский папирус. Этого недостаточно для того, чтобы окрестить папирус ритуалом праздника Осириса. Кроме этого единственное указание на миф относится к циклу Ре, но не к циклу Осириса. С. Я., [17] правда, это не смущает. Он, не мудрствуя лукаво, отождествляет Ре и Осириса. К сожалению, такое отождествление этих 2 главных богов египетского пантеона никак не невозможно в эпоху Древнего, Среднего и Нового царств. Правда, циклы мифов этих 2 богов приводились в известную связь, но никогда в классическую эпоху Египта в живом религиозном сознании не отождествлялись Ре и мифы его с Осирисом и его мифами³⁰). Столь же недоказанным, как отождествление Ре и Осириса, является и другое утверждение С. Я., а именно то, что праздник в честь Осириса имел характер сатурналий. Ни одного египетского текста, или изображения не сможет С. Я. привлечь для подкрепления своего утверждения. Египтологам пока не известен праздник, напоминающий сатурналии, ни в ритуале Осириса, ни в ритуале какого-нибудь другого бога. Праздник с характерным признаком сатурналий — уравниванием господ и рабов — был известен в Вавилонии и совпадал с праздником в честь Нового года. Последние годы принесли много нового для ритуала этого праздника и С. Я. не мешало бы привлечь этот свежий, не захватанный материал³¹), а не довольствоваться уже давно известным и несколько устаревшим материалом Frazer'a. О праздновании Нового года в Египте мы знаем мало. Единственно, что нам сообщают надписи *это то* об нем, что это «день, когда домохозяева приносят дар владыке дома»³²), а *это* такой обычай казался бы не говорит за то, чтобы в тот же день раб сравнялся *бы* с владыкой дома. Вполне поэтому возможно, что

Египет не знал праздника, похожего на сатурналии, ведь не все вавилонские праздники имели аналогии в Египте и во всяком случае можно категорически утверждать, что [18] предположение С. Я. о существовании в Египте праздника характера сатурналий ничем не может быть доказано.

Из всего приведенного мною, я думаю, явствует, что, действительно, все заверения С. Я. о том, что Лейденский папирус не отражает исторической действительности, а является описанием праздника, близкого сатурналиям — основаны или на недоразумениях, или на недоказанных предположениях. Правда я до сих пор разбирал лишь те доводы С. Я., которые он черпал из изучения одного лишь Лейденского папируса. Докладчик пытался применить также и метод внешней критики, привлекая для доказательства неисторичности Лейденского папируса еще анализ Эрмитажного папируса №1116В. В этом последнем, как я сам установил, мифические элементы представлены несколько более отчетливо³³). С другой стороны, там имеется определенное указание на социальную революцию³⁴). Из этих 2 предпосылок С. Я. сделал следующий вывод: коль скоро в тексте имеется некоторый мифический элемент, и притом, по его мнению, опять тот же миф Осириса, то из этого следует, что он не может быть «историческим». Если же этот «исторический» текст упоминает о социальной революции, то из этого следует, что социальная революция является лишь мифическим мотивом. Против этого рассуждения докладчика должно возразить в первую очередь следующее: миф, на который намекается в Эрмитажном папирусе № 1116В, не миф об Осирисе. В конце папируса, там, [19] где описывается приход царя-спасителя, мы читаем: «Он (т. е. царь-спаситель) умиротворит и Гора и Сета тем, что они любят»³⁵). Здесь мы видим, что Гор и Сет выступают как цари боги-покровители обоих Египтов, а эти образы Сета и Гора вполне независимы от образов Сета и Гора в мифе об Осирисе³⁶). Поэтому мы не имеем в Эрмитажном папирусе намек на миф об Осирисе, как предполагает докладчик.

Мое второе возражение докладчику сводится к указанию на то, что наличие в тексте мифических элементов отнюдь не лишает его еще «историчности». Египтяне охотно вносили в исторический текст мифический элемент, как напр<имер> в знаменитом Росетском камне мы находим в описании борьбы Птолемея V с бунтовщиками города Ликополиса следующий абзац, взятый из мифа: «Он победил врагов, которые были внутри города и передал их плахе, как Ре и Гор, сын Исиды поступили с теми, которые в прежние времена были враждебны им на этом месте»³⁷). Египтяне охотно вносили и в миф исторический элемент. Так при описании благополучия, господствующего в царствовании Осириса, употребляются выражения применяемые и при описании благополучия, создаваемого земным царем³⁸). *Но* И эти «исторические» элементы в мифе не превращали миф в историю и наоборот мифические элементы в историческом тексте не превращают историю в миф. Поэтому я считаю возможным допустить некоторый исторический фон и для Эрмитажного папируса № 1116В и думаю, что к [20] этому историческому фону относится и упоминание социальной революции. Эрмитажный папирус написан несколько позже, нежели Лейденский папирус, значительно более ярко отразивший социальную революцию. Оба текста отличаются и по форме своей друг от друга. Эрмитажный папирус является типичным предсказанием *ex eventu* и пользуется будущим временем, в то время, как Лейденский папирус пользуется исключительно настоящим временем.

Подводя итог всему тому, что я сказал, я думаю, что можно будет признать, что доклад С. Я. ни в своей отрицательной, ни в своей положительной части не является удовлетворительным. С. Я. не удалось доказать, что египтологи, настаивая на историчности Лейденского папируса № 344 и до известной степени на историчности Эрмитажного папируса № 1116В «попали впросак», и С. Я. не удалось доказать, что Лейденский папирус № 344 и Эрмитажный папирус являются описанием «египетских сатурналий» и я беру на себя смелость утверждать, что С. Я. с этим «оригинальным» толкованием сам «попал впросак».

Если все же у кого-нибудь еще сохранилось хоть малейшее колебание в пользу «остроумного» построения С. Я., то оно, я надеюсь, исчезнет, когда я в одном из ближайших выпусков «Записок коллегии востоковедов» издам полный перевод Лейденского папируса. Тогда текст сам завопит против своего «насилльника».

5 января 1925 г.

В. Струве.

[21]

Примечания

¹⁾ A. H. Gardiner, *The Administration of an Egyptian sage from a hieratic papyrus in Leiden*. Leipzig, 1909.

²⁾ В. С. Голенищев, *Les papyrus hiératiques NN1115, 1116A et 1116B de l'Hermitage Impérial à St.-Pétersburg*, 1919.

³⁾ см. мой перевод в «Записках коллегии востоковедов», I (1925), 210–217.

⁴⁾ 1) «Пребывание Израиля в Египте в свете исторической критики» (Книгоиздательство «Еврейская историческая библиотека») Петербург, 1919 2) Papyrus 1116B recto и пророческая литература древнего Египта (Записки коллегии востоковедов I (1925), стр. 209 сл.)⁴⁵ 3) «Исторические предпосылки египетской социальной революции» (сдано в печать в 1924 г. в «Анналы»⁴⁶) 4) Социальная проблема в заупокойном культе древнего Египта (сдано в печать в 1925 в сборник «Религия и общество Древнего мира», издаваемый VIII секцией исследовательского института)⁴⁷ 5) Лейденский папирус № 344 recto и социальная революция в древнем Египте (будет печататься в Записках коллегии востоковедов)⁴⁸.

⁵⁾ Ad. Erman, *у.с.*, предисловие, стр. VI.

⁶⁾ Стела Сехатпобре (Piehl, *Inscriptions*, III, pl. 4–7) стр. 16. Перевод см. Breasted, *Ancient Records of Egypt*, I, 747.

[22]

⁷⁾ *Journ<al> Asiatique*, XVI, 1910, стр. 266 сл.

⁸⁾ *у.с.* стр. 17–18. Ту же мысль он снова высказывает в *Journ. Egypt. Arch.* I. 1914, стр. ⁴⁹, переводя и комментируя наш Эрмитажный пап. № 1116A recto.

⁹⁾ *у.с.* стр. 18.

¹⁰⁾ 1) Пребывание Израиля в Египте в свете исторической критики, стр. 26, пр. 3 и 2) Записки коллегии востоковедов I, 1925, стр. 224, пр. 1.

⁴⁵ См.: *Струве В. В.* Papyrus 1116B и пророческая литература древнего Египта // Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской академии наук. Вып. I. Л., 1925. С. 209–227. — «Дополнения и возражения...» В. В. Струве подписаны 5 января 1925 г., однако первый том «Записок коллегии востоковедов» (Л., 1925) открывается предваряющим «эпиграфом» на русском и французском языках «Повреждено наводнением 23 Сентября 1924 г.», из чего следует, что том вышел не позднее сентября 1924 г. Следовательно, Струве вполне мог сослаться на книгу, выход которой датирован 1925 г., в докладе, который был завершён в первые дни 1925 г. Сама статья была им подготовлена еще в 1920 г.; см. о ее нелегкой судьбе: *Струве В. В.* По поводу статьи о папирусе 1116b (ЗКВ, I, 209 и след.) // Записки коллегии востоковедов. 1926. Т. II. Вып. 2. С. 405–406.

⁴⁶ Работа с таким названием в «Анналах» не вышла; см.: *Струве В. В.* Переворот в области хронологии Египта // *Анналы*. 1924. № 4. С. 333–334.

⁴⁷ См.: *Струве В. В.* Социальная проблема в заупокойном культе Древнего Египта // *Религия и общество*. Л., 1926. С. 5–28.

⁴⁸ Эта работа вышла только в 1935 г.; см.: *Струве В. В.* Социальный переворот в Египте в конце Среднего царства (около 1750 г. до н. э.) // *Речение Ипувера, Лейденский папирус № 344*. М.; Л., 1935. С. 3–38.

⁴⁹ Здесь Струве оставил небольшую лауну для ее последующего заполнения номером страницы.

- ¹¹⁾ Эта лекция была тогда мною прочитана по поручению Рос<сийского> И<нститу>та Ист<ории> Искусств».
- ¹²⁾ Sitzungsberichte der Preus<sischen> Akad<emie> d<er> Wis<senschaften> 1919, стр. 807 сл.
- ¹³⁾ у.с. стр. 813.
- ¹⁴⁾ у.с. стр. 815.
- ¹⁵⁾ The Cambridge Ancient History, I. 325.
- ¹⁶⁾ Ibidem, 344–345.
- ¹⁷⁾ Journ<al of> Roy<al> As<iatic> Soc<iety> 1924, стр. 323.
- ¹⁸⁾ Б. А. Тураев, История Древнего Востока I, стр. 212.
- ¹⁹⁾ Ibidem, стр. 328.
- ²⁰⁾ Ibidem, стр. 336.
- [23]
- ²¹⁾ См. хотя бы песни, складываемые рабочими при удачных раскопках. Образцы приведены L. Borchardt'ом в Mitteil<ungen der> Deutsch<en> Or<ientalischen> Ges<ellschaft> 52 в отчете о раскопках 1912 г. в Тель Амарне.
- ²²⁾ Б. А. Тураев, Ист<ория> Др<евнего> Вост<ока> I, стр. 82–83.
- ²³⁾ Ibidem, II, стр. 41.
- ²⁴⁾ Evans, Knosos I (1921).
- ²⁵⁾ Friedrich, Chetit<tische> Literatur⁵⁰ (собрание D<er> Alte Orient) 1925, I вып., стр. 11.
- ²⁶⁾ Об этой революции писал доклад акад<емик> В. В. Бартольд и в ближайшее время прочитает об ней доклад в VIII секции проф<ессор> И. Ю. Маркок.
- ²⁷⁾ В. В. Струве, Пребывание Израиля в Египте в свете истор<ической> критики, стр. 10–11.
- ²⁸⁾ P. Anast. II. 1. 9.
- ²⁹⁾ Erman. Litteratur d<er> Ägypter, стр. 335.
- ³⁰⁾ ср. любой труд по египетской религии, напр<имер> Erman, D<ie> ägyptische Religion, стр. 32 сл.; J. H. Breasted, Development of Religion and Thought in Ancient Egypt, London, 1912, стр. 8 сл. и Roeder в Roscher, статья «Sonne», столб<ец> 1207. Такое отождествление Ре и Осириса имело место лишь в очень позднее время, в эллинистическую эпоху.
- ³¹⁾ Указания на этот новый материал можно найти у В n. Meissner, Babylonien u<nd> Assyrien, I, Heidelberg, 1920; I 30, 40, 64, 308 и 377 и Б. А. Тураев, Классический Восток, 1924, I том, стр. 247, 273 сл. и 280.
- ³²⁾ Erman, Aegypten u<nd> Aegyptischen Leben, стр. 177.
- [24]
- ³³⁾ Записки Коллегии Востоковедов. I. стр. 226. Но и в том же тексте мифические элементы сравнительно мало выступают по сравнению с текстами IX–X династии. Об них см. там же.
- ³⁴⁾ у.с., стр. 223 сл. Это наблюдение было сделано из всех занимавшихся текстом впервые мною.
- ³⁵⁾ у.с. стр. 216.
- ³⁶⁾ см. Roeder в Roscher, статья «Set», ст<олбцы> 742–743.
- ³⁷⁾ W. Spiegelberg, Der demotische Text der Priesterdekrete von Kanopus u<nd> Memphis, Heidelberg, 1922, стр. 81.
- ³⁸⁾ Ad. Erman, Litteratur d<er> Ägypter, стр. 191.

⁵⁰ Так в тексте Струве.

References

- Ananiev V.G., Bukharin M.D. V.V. Struve and the Institute of Arts' History (Towards the History of Conception of Social Revolution in Egypt). *Vestnik drevnei istorii*, 2018, no. 4, pp. 971–989. (In Russian)
- Ananiev V.G., Bukharin M.D. Election of S. A. Zhebelev a Full Member of the Academy of Sciences of the USSR. *Journal of Modern Russian History and Historiography*, 2019, no. 13, pp. 1–77. (In Russian)
- Ilyin-Tomich A. A. Social Turnover in Egypt in Works of V. V. Struve. *Vestnik Universiteta Dmitriia Pozharskogo*, 2016, vol. 4, iss. 2, pp. 35–47. (In Russian)
- Koprjiva-Lurie B. Ya. *History of One Life*. Paris, Atheneum, 1981, 275 p. (In Russian)
- Krikh S.B. “Revolution of Slaves” in Soviet Historiography of 1930s. *Dialog so vremenem. Almanakh intellektual'noi istorii*, 2006, iss. 17, pp. 224–236. (In Russian)
- Krikh S.B. Theoretical Argumentation of Conception of Slavery-Based Societies in Ancient Orient by V. V. Struve. *Sozialnye instituty v istorii: retrospektiya i real'nost'*, ed. by L. R. Rotermel. Omsk, 2012, pp. 153–171. (In Russian)
- Lurye S. Ya. *The Forerunners of Anarchism in Ancient World*. Moscow, Golos truda Publ., 1926, 247 p. (In Russian)
- Mirovshikova A. A. Between “Old” and “New” Science: the Way of S. Ya. Luria in Russia's Crucial Time (Second Half of the 1910s — Beginning of the 1930s). *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki*, 2017, vol. 159, no. 4, pp. 910–924. (In Russian)
- Struve V. V. The Turnover in Chronology of Egypt. *Annaly*, 1924, iss. 4, pp. 333–334. (In Russian)
- Struve V. V. Papyrus 1116B recto and Prophetic Literature of Ancient Egypt. *Zapiski Kollegii vostokovedov*, 1925, vol. 1, pp. 209–227. (In Russian)
- Struve V. V. Towards the Article on Papyrus 1116b (ZKV, I, 209 ff.). *Zapiski Kollegii vostokovedov*, 1926, vol. II, pp. 405–406. (In Russian)
- Struve V. V. Social Problem in Funeral Cult of Ancient Egypt. *Religiia i obshchestvo*. Leningrad, Seyatel Publ., 1926, pp. 5–28. (In Russian)
- Struve V. V. The Problem of Birth, Development and Decay of the Slavery-Based Societies of the Ancient Orient (Communication and Final Remark). *Izvestiia Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury*, 1934, pp. 32–111, 157–181. (In Russian)
- Struve V. V. Social Turnover in Egypt at the End of the Middle Kingdom (about 1750 B. C.). *Rechenie Ipuvera. Leidenskiy papyrus № 344*. Moscow, Leningrad, 1935, pp. 3–38. (In Russian)
- Turaev B. A. *Egyptian Literature. Vol. I. Historical Outline of Ancient Egyptian Literature*. Moscow, Izdatel'stvo M. i S. Sabashnikovykh Publ., 1920, 282 p. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 14 сентября 2018 г.

Рекомендована в печать 9 сентября 2019 г.

Received: September 14, 2018

Accepted: September 9, 2019